

Откуда к нам пришла зима,
не знаешь ты, никто не знает.

Умолкло все. Она сама
холодных губ не разжимает.
Она молчит. Внезапно, вдруг
упорства ты ее не сломишь.
Вот оттого-то каждый звук
зимою ты так жадно ловишь.

Шуршанье ветра о стволы,
шуршанье крыш под облаками,
потом, как сгнившие полы,
скрипящий снег под башмаками,
а после скрип и стук лопат,
и тусклый дым, и гул рассвета...
Но даже тихий снегопад,
откуда он, не даст ответа.

И ты, входя в свой теплый дом,
взбежав к себе, скажи на милость,
не думал ты хоть раз о том,
что где-то здесь она таилась:
в пролете лестничном, в стене,
меж кирпичей, внизу под складом,
а может быть, в реке, на дне,
куда нельзя проникнуть взглядом.

Быть может, там, в ночных дворах,
на чердаках и в пыльных люстрах,
в забытых досками дверях,
в сырых подвалах, в наших чувствах,
в кладовках тех, где свален хлам...
Но видно, ей там тесно было,
она росла по всем углам
и всё заполонила.

Должно быть, это просто вздор,
скопление дум и слов неясных,

она пришла, должно быть, с гор,
спустилась к нам с вершин прекрасных:
там вечный лед, там вечный снег,
там вечный ветер скалы гложет,
туда не всходит человек,
и сам орел взлететь не может.

Должно быть. так. Не все ль равно,
когда поднять ты должен ворот,
но разве это не одно:
в полете тень и вечный холод?
Меж ними есть союз и связь
и сходство — пусть совсем немое.
Сойдясь вдвоем, соединясь,
им очень просто стать зимою.

Дела, не знавшие родства,
и облака в небесной сини,
предметы все и вещества
и чувства, разные по силе,
стихии жара и воды,
увлекшись внутренней игрою,
дают со временем плоды,
совсем неожиданные порою.

Бывает лед сильней огня,
зима — порой длиннее лета,
бывает ночь длиннее дня
и тьма вдвойне сильнее света;
бывает сад громаден, густ,
а вот плодов совсем не снимешь...
Так берегись холодных чувств,
не то, смотри, застынешь.

И люди все, и все дома,
где есть тепло покуда,
произнесут: пришла зима.
Но не поймут откуда.

ноябрь 1962